

Александр РОМАНОВ,
Юлия ЛЕДЕНЦОВА (идея)

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ ИНГИ ПЕТРОВНЫ

Фантастический рассказ

— Повтори, — тихо, но твердо сказала Инга Петровна. Баранов повторил.

«Баран, — подумала она. — Настоящий баран».

Подняла глаза и посмотрела в переносицу — в наглуго рыжую переносицу ученика девятого класса Ромы Баранова.

— Нет, это не Толстой, это Пушкин, — устало сказала она.

Баранов подкатил глаза кверху и пошевелил бровями.

— Мне придется опять вызвать родителей. Если дальше так будешь учиться, останешься на второй год. Понимаешь?

Рома не понимал. Он не хотел понимать. Он хотел сидеть за задней партой, слюнявить карандаш и тыкать им в спину Маши Кравчук. Или расстегивать пуговицу на кофточке ее соседки Лены Борщ.

Ну и что вот с ним таким делать? И ведь объясняла уже ему, и родителей вызывала, и у директора они уже были. Два раза на этой неделе и еще один на той.

— Короче, приведешь маму, — сказала Инга Петровна.

Баранов ослабился, кивнул, развернулся и зашагал между рядов парт, цепляя руками тетрадки других учеников.

«Нужно все же его прижечь, — в который уже раз подумала Инга Петровна. — Прижечь, раз по-другому не понимает. Как Ковалева. И Дрищук. И половину из здесь сидящих учеников школы номер семь для трудных детей. Это требует много энергии, но выхода нет».

Странно, подумала она, силы на то, чтобы их прижигать, у нее есть, а на то, чтобы хотя бы раз пропустить первый звонок, нет. Совсем уже очеловечилась.

Она окинула взглядом учеников — не оформившихся пока маленьких человечков.

«И зачем они мне? — подумала она. — Бросить бы все и все-таки вернуться... Не могу. Не могу вот так вот просто взять и бросить. Неправильно это, нечестно. Как они будут тут без меня? Другие ведь не справятся. И директор не справится. Вообще никто».

Инга Петровна вспомнила свой недавний разговор с директором.

«Зря вы так, — говорил тот. — Слишком уж вы с ними возитесь. Толку от них не будет. Лучше поберегите себя...»

Потом разглядел, видимо, что-то такое на ее лице, потому что осекся и спросил вдруг, как у нее дела.

Инга Петровна открыла было рот, чтобы рассказать директору про затопленную однажды по самый подоконник квартиру. Про начисто сгоревшую ровно год назад от взрыва газа кухню. Про неизвестно откуда взявшихся вдруг тараканов, заполонивших стены, падавших с потолка, хрустевших под ногами. Про упавшее в окно дерево.

Потом подумала, что тогда придется сказать, что все это случается с ней раз в год, всегда в одно и то же время — рано утром первого сентября. Или в ночь перед первым. Или поздно вечером. В общем, перед начинающейся ровно в восемь утра на школьном дворе линейкой.

Конечно, главное она бы не сказала никогда, но и после уже сказанного у директора осталось бы достаточно причин считать ее странной.

Инга Петровна хихикнула. Ей показалось, что она сделала это про себя, но заметила удивленные взгляды учеников и сообразила, что сделала это вслух.

Она подобралась, посерьезнела и вызвала к доске Олю Старцеву. И, наблюдая, как та шагает по проходу, уверенно глядя перед собой, — бывшая наркоманка и оторва, готовая рецидивистка, как выразился однажды директор, а ныне отличница, гордость школы, ведущий голос в школьном хоре, победительница всех возможных и невозможных конкурсов и олимпиад, глава местного детского отделения борцов за дикую природу, перевоспитанная ею, Ингой Петровной, она вдруг решила,

что не нужно Баранову приводить маму. Уж лучше при-
жечь. Так надежнее. Проверенное, как говорят здесь,
на Земле, средство.

Хидар смотрел на лицо Иги (так ее звали на самом деле). Она постарела на Земле, но он все равно ее любил. Он протянул руку и погладил экран галактического транслятора, жалея, что она не может его видеть. Отошел от монитора, сел в кресло и задумался.

Вариант с потопом не сработал. Вариант со взрывом газа в кухне год назад тоже. Падающие деревья, поджоги, обрушение козырька подъезда... За прошедшие годы он перепробовал многое. Даже как-то подселил в квартиру к Иге мышей с крысами. Через год тараканов — бойких, злых, специально отобранных.

Не помогло. Ничего не помогало. Ига бросала все, разгоняла насекомых, раскидывала упавшую на нее мебель, выплывала из-под придавившей ее ванны, буквально проходила сквозь стену огня и упорно шла на линейку. На проводимую каждый год первого сентября школьную линейку. К восьми утра. И стояла там до девяти. Как раз в то время, в тот единственный день и час, когда планеты занимали необходимое положение, игрек-потоки текли в ту сторону, что и положено течь игрек-потокам, и можно было открывать окно портала и забирать Игу обратно на Тору. Единственный день в году. Один час.

И она знала об этом — Хидар каждый раз оставлял ей в квартире послания. Подумать только — окно открывалось не ночью, когда она, набегавшись по ученикам, спала в своей постели и можно было запросто забрать ее оттуда, пропихнуть в квадратное, размером три на три ладони окошко телепорта и вернуть ее изрядно постаревшим родителям. Не в выходной, когда она с утра до поздней ночи сидела за кухонным столом и проверяла, правила, писала замечания. Не в те единственные в году десять дней новогодних каникул, когда Ига безвылазно торчала дома. Нет, оно открывалось именно первого сентября. С восьми до девяти утра. В это время Хидар проникал через него в квартиру и прятал там очередной сюрприз, который должен был сработать ров-

но через год. Что-то такое, что заставило бы, наконец, упрямую жену Хидара остаться в это время дома, вместо того чтобы стоять по стойке «смирно» на проклятой линейке.

В этом году Кан, отец Иги, впервые повысил на зятя голос и объявил, что его терпение лопнуло и, если тот не вернет его дочь, он расторгнет заключенный между Хидаром и Игой брачный договор и похоронит его рядом с сестрой Иги, погибшей вместе с остальными участниками экскурсии — они были придавлены транслятором телепорта, который при падении неожиданно вдруг включился и перебросил Игу с Торы на Землю.

Хидар щелкнул пультом и включил вчерашнюю запись, на которой его жена воспитывала пойманного ею в женском туалете Баранова. И правильно, подумал он, глядя, как она прижимает того к стенке, как глаза Баранова округляются и наполняются ужасом. Вот Ига прикладывает ладонь к его лбу и прямо там, в туалете, проводит процедуру прижигания.

«Давно пора, — подумал он. — Прижигание отнимает столько энергии, что хватило бы, чтобы вернуть к жизни небольшую планету — заново наполнить ее водоемы, вырастить леса и заселить их живностью. Но уж лучше так, чем без конца с ними цацкаться».

Хидар проследил за тем, как отпущенный Баранов падает на пол, тут же вскакивает и в ужасе убегает прочь. Ига стоит какое-то время — глаза закрыты, голова трясется, колени дрожат. Потом приходит в себя и медленно, пошатываясь, идет по коридору.

В общем, жену пора было спасать всерьез.

И вновь наступило первое сентября.

Инга Петровна села на постели, спустила ноги на прохладный пол и прислушалась. Тишина. Она встала и осторожно выглянула в коридор. В квартире было тихо. Не падала с потолка штукатурка, не хлестала из труб вода, не проваливался пол. Она вышла в коридор. Посмотрела в сторону кухни, готовая каждую секунду отпрыгнуть в сторону. За окном кухни светило солнце, и пронзительно чирикал на подоконнике воробей.

Инга Петровна умылась, позавтракала, надела выглаженный с вечера костюм. Уложила волосы. Оторвала листок календаря и полюбовалась на изображенную там большую ярко-красную единицу. Обулась и вышла на лестничную площадку. Там она постояла, прислушиваясь. Подумала вдруг, что, может, наконец, все кончилось, но тут этажом выше громко хлопнула дверь. От неожиданности она вздрогнула и чуть было не вернулась в квартиру.

— Нервы, — сказала она вслух. — Проклятые нервы. Проклятое первое сентября.

Инга Петровна вышла на улицу и оглядела двор. Из дома напротив вышли нарядно одетые девочка с мальчиком, в руках у них был букет оранжевых гладиолусов. Инга Петровна подумала, что ей никто никогда не дарил цветов. Кроме учеников, конечно. И их родителей. Ну, они не в счет. Мужчины не дарили. Даже Хидар. Он считал, что это напрасно выброшенные деньги.

Как он там, интересно, Хидар? В прошлом послании написал, что папа грозитя разорвать их брачный контракт.

Инга Петровна все понимала. Она и сама безумно хотела домой. Но пока не могла. Тридцать человек! Ну как их бросить?!

Она проводила взглядом мальчугана с тремя ромашками в кулаке и криво напыленным ранцем, поправила прическу и зашагала в сторону школы. Мимо детской площадки, мимо заброшенного детского садика, мимо стоявших торцом к дороге, серых, словно выстроившихся на линейку пятиэтажек, и вышла на финишную прямую — широкую ровную дорогу, ведущую к школьным воротам.

Машина выскочила неожиданно. Только Инга Петровна успела кивнуть стоявшему за забором Баранову, помахать рукой директору, как сбоку, прямо из кустов вдруг вылетел микроавтобус и понесся на нее.

«На этот раз я не подведу, — думал Хидар. — Плевать, что, согласно правилам, от портала нельзя отходить дальше, чем на десять метров, плевать, что по воз-

вращении меня за все это, возможно, будут судить — все равно. Хватит тянуть. Мне нужна жена, родителям дочь!»

Он нажал на педаль газа. Впереди появились кусты. Хидар свернул было в сторону, потом увидел в просвете между ветками знакомый силуэт и прибавил скорость. Фургон пролетел сквозь кусты, забуксовал по сырой траве, его занесло, Хидар с трудом выровнял автомобиль, повернул и затормозил на тропинке прямо перед Игой. Хидар выскочил наружу и обогнул кабину. Ига стояла растерянная, бледная. Оставалось всего ничего — перекинуть ее через плечо, забросить в машину и вернуться с ней обратно в квартиру. А времени до закрытия окна еще полным-полно. Целых полчаса.

В этот момент сбоку послышался топот. Хидар не успел даже повернуть голову. Неведомая сила снесла его в сторону, ударила о жесткий борт машины, швырнула на землю и стала безжалостно возить лицом по мокрой траве.

— Я тебе дам! — пропыхтел знакомый Хидару голос Баранова. — Я тебе покажу, гад, как Ингу Петровну трогать, сейчас ты у меня нажрешься...

Чего он нажрется, Хидар так и не узнал, потому что его оторвало от земли и шмякнуло об асфальт, и тут же со всех сторон на него набросилась орава школьников.

От страха и неожиданности Хидар потерял ориентацию в пространстве. Потом все так же неожиданно закончилось, потому что Ига остановила побоище.

Ровным голосом она объяснила ребятам, что хватит. Что этот человек ее старый знакомый. Он заблудился и оказался здесь случайно, а сейчас ему пора возвращаться обратно. И нельзя бить людей, тем более ногами.

— Ничего себе! Да он вас чуть не задавил! — воскликнул Баранов. — Я сам видел!

— Баранов, не спорь. Мне лучше знать, — строго, но с какой-то неприятно поразившей Хидара в самое сердце теплотой сказала Ига, и Хидар понял, что это уже не Ига, а Инга Петровна, которая забыла про родную планету и стала самой заурядной земной учительницей.

Хидара подняли, поставили на ноги, отряхнули и вытерли ему лицо.

Художник Юрий Сарафанов

— Отведи его, пожалуйста, ко мне домой, Рома, — попросила Инга Петровна. — Только вежливо! И возвращайся на линейку.

— Отведу, — отозвался Рома Баранов. — Не сомневайтесь, Инга Петровна.

Хидара взяли под руку и повели мимо выстроившихся серых пятиэтажек, мимо заброшенного детского сада.

«Вместо того чтобы наслаждаться жизнью на нашей планете, тратит здесь свои силы непонятно на что, — думал он, поглядывая на угрюмое лицо Баранова. — Как же она неправа!»

Хидар не знал, что на Земле многие думают точно так же, но в любом случае сейчас это для него уже ничего не меняло.